

АРТЕМ ОНОПРИЕНКО

ТЕНЬ
В МОЁМ
СЕРДЦЕ

◆ ТЕМНОЕ ФЭНТЕЗИ ◆

Арте́м Оноприе́нко

Тень в моем сердце

«Автор»

2026

Оноприенко А.

Тень в моем сердце / А. Оноприенко — «Автор», 2026

Я поклялась отомстить дому, убившему моего отца. Я не планировала спасти его наследника. Мира пробирается ко двору Пепельных Вен под чужим именем — с одной целью: уничтожить род Вирейн изнутри. Но когда покушение на наследника дома срывает её планы, она спасает его жизнь — не из милосердия, а потому что мёртвый враг ей не нужен. Расплатой становится кровная клятва, от которой нельзя просто отказаться: боль, раны и даже сны теперь общие на двоих. Каэл давно не верит, что кто-то рядом с ним может быть не по расчёту. Но новая служанка не боится его так, как должна — и с каждым днём всё труднее вспомнить, зачем он вообще должен ей не доверять.

© Оноприенко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мира	6
Глава 2. Каэл	10
Глава 3. Мира	14
Глава 4. Каэл	17
Глава 5. Мира	20
Глава 6. Каэл	23
Глава 7. Мира	26
Глава 8. Каэл	29
Глава 9. Мира	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Арте́м Оноприе́нко

Тень в моем сердце

ТЕНЬ В МОЁМ СЕРДЦЕ

Роман

Арте́м Оноприе́нко

Глава 1. Мира

Двор Пепельных Вен пах кровью и лавандой, и я так и не решила, что из двух тревожит меня сильнее.

Лаванду жгли в курильницах вдоль галерей — тугими фиолетовыми пучками, перетянутыми чёрной нитью, — чтобы перебить запах, который здесь не выветривался никогда. Я поняла это в первую же ночь, пока меня вели через боковой вход для прислуги. Мимо кухонь, где над медными котлами стоял пар, пахнувший совсем не той едой, к какой я привыкла дома. Мимо винных погребов, где бутылки лежали под слоем пыли в палец толщиной. Мимо узкой комнаты без окон, где на полках теснились хрустальные флаконы с чем-то тёмным и густым; в свете свечи оно отливало багрянцем. Я не стала задерживать на них взгляд. Не потому, что не хотела знать. Потому что знала, и этого хватило, чтобы к горлу подкатил комок, который я проглотила, не сбившись с шага.

Три месяца подготовки уместились в один шаг через порог — в чужой дом, с чужим именем на языке.

Рекомендательные письма я написала сама, от имени несуществующей экономки из северных земель. До северных земель три недели пути, так что проверять никто не станет. Печать легла ровно: на неё ушёл целый вечер и две восковые плитки. Легенду я вызубрила до последней мелочи — откуда я, кто меня учил, почему оставила прошлое место. Ладони, в которых рукоять ножа оставила мозоли, оттерла золой и жиром, чтобы они сошли за руки прачки. А имя повторяла по ночам, пока оно не перестало царапать язык; иногда, засыпая, я на секунду не могла вспомнить, какое из двух мне принадлежит.

Мира Эш. Не Мирослава. Просто Эш — как пепел, в который превратился дом, где я выросла, в ночь, когда стражи дома Вирейн пришли за отцом.

Под поясом юбки, в тонком шве, прижимался к бедру его нож. Единственное, что я позволила себе пронести сюда из прошлой жизни.

— Новенькая, — сказали за спиной.

Я не обернулась сразу. Не из дерзости. Первое, чему меня научил отец, ещё до того, как вложил в руку нож: никогда не показывай, что вздрогнула. Страх — язык, который понимают все хищники, а вампиры, должно быть, читают на нём лучше прочих.

Я досчитала до трёх. Спешка выдаёт вернее любой оговорки. И только тогда повернулась.

Передо мной стояла женщина в тёмно-сером форменном платье, застёгнутом под горло. Экономка — это сказала связка ключей на её поясе, звеневшая при каждом шаге, словно сам дом предупреждал о её приближении. Возраст не угадывался: сорок, а может, куда больше. Те, кто служит здесь долго, перенимают у хозяев что-то от их неподвластности времени.

Она оглядела меня с макушки до стоптанных башмаков, как оценивают лошадь перед покупкой. Башмаки я нарочно не стала менять на новые.

— Комнаты для прислуги на третьем ярусе западного крыла, — сказала она. — Хозяева бодрствуют по ночам, а значит, и ты тоже: работа в этом доме не прекращается ни днём, ни ночью, смены идут по кругу, спать будешь урывками. Здесь живут не по человеческим часам, запомни это сразу, если не хочешь остаться без ужина или без места.

— Да, госпожа.

— И ещё. — Она понизила голос, хотя в коридоре, кроме нас, никого не было. — Держись подальше от восточных коридоров после полуночи. И запомни: что бы ты ни услышала ночью — ты ничего не слышала. Ничего не видела. У тебя нет глаз и ушей, когда дело касается семьи. Ты поняла?

Я кивнула лицом, которое три месяца репетировала перед зеркалом: покорным, чуть испуганным, таким, чтобы раствориться среди остальных людей этого дома. Нас здесь держали

так, как держат скот: сытно, пока выгодно, и без лишних мыслей о дне, когда хозяин решит иначе.

Внутри я улыбалась. Тонко, уголками губ, туда, где никто не увидит.

Восточное крыло. Резиденция Вирейнов. Ровно то, о чём месяц назад сообщали донесения Галена; ровно то, ради чего я месяцами наращивала на себе чужую кожу, слой за слоем, пока не перестала различать, где кончается маска и начинается лицо.

Гален проводил меня до последнего перекрёстка перед границей владений и сказал всего одну фразу: «Хозяева лгут красиво, девочка. Слуги лгут плохо. Слушай слуг». Он стоял в дорожной грязи, седой и прямой, и не обнял меня на прощание — не из холодности, а потому что боялся, что тогда я не смогу уйти. Я унесла его слова вместо объятия.

* * *

Три дня я драила полы, выносила золу из каминов и разносила подносы с едой, какой сама никогда не пробовала, — и всё это время считала. Часы смены на посту у восточной лестницы. Скрипучие доски в галерее третьего яруса. Двери, которые запирали на ночь, и двери, которые зачем-то оставляли открытыми, будто хозяева не боялись ничего, что способно войти без приглашения.

По вечерам я слушала прислугу — вполголоса, за кухонным столом, пока экономка не видела, — и складывала из обрывков карту наследника, как складывают карту вражеской земли перед выходом.

Спать приходилось урывками, как и обещала экономка, и к третьей ночи я научилась слышать дом: тяжёлый гул труб под полом, шаги, звучавшие слишком ровно для людей, голоса за закрытыми дверями, которые смолкали, едва я проходила мимо с подносом. Лаванда въелась в волосы, в одежду, в кожу. Я ловила себя на том, что принимаю к собственным рукам — не пахнут ли они уже этим домом.

Говорили, что он не спит. Совсем, ни одной ночи; постель ему стелют лишь для виду. Что он бродит по галереям в предрассветные часы, когда даже вампиры предпочитают тишину своих комнат. Что взгляд у него такой, будто он видит насквозь — не плоть, а то, что ты прячешь под ней.

Я в такое не верила. Слишком долго жила среди людей, которым чудовища проще, чем понимание. Я верила в то, что можно измерить, просчитать и использовать.

Увидела я его на четвёртую ночь, в библиотеке, куда меня послали за забытым фолиантом для леди Веспера: горничная, которой полагалось идти, слегла с простудой, и весь дом переполошился так, будто речь шла о чуме.

Библиотека встретила запахом старой бумаги и воска — более честным, чем лаванда в коридорах, потому что этот запах ничего не скрывал. Стеллажи уходили под потолок и терялись во тьме, куда не доставал свет нескольких свечей. А у дальнего, спиной ко мне, стоял он.

Его неподвижность была слишком безупречной для человеческой усталости и слишком долгой для человека, который просто выбирает книгу. Я замерла в дверях дольше, чем позволено служанке.

— Ты либо потерялась, либо решила, что можешь входить сюда без разрешения, — сказал он, не оборачиваясь.

Голос низкий, с хрипотцой, — вовсе не такой, каким я воображала голос аристократа, воспитанного столетиями придворного этикета. Так звучит голос, который однажды сорвали — криком, болью, чем-то, о чём не говорят, — и с тех пор не дали себе забыть, как не забывают старую рану, ноющую к дождю.

— Меня послали за книгой, милорд, — ответила я, и страха в голосе было ровно столько, сколько положено служанке, застигнутой там, где ей быть не следует. — Для леди Веспера.

Он обернулся.

Высокий, худощавый, тёмные волосы небрежно сдвинуты со лба — единственная небрежность во всём его облике. На руках чёрные перчатки, хотя в библиотеке было тепло. Лицо без возраста, как у всех здесь, и без выражения, как у тех, кто слишком давно им не пользуется.

Я ждала холода — ледяного высокомерия, о котором шептались горничные, понижая голос так, будто имя можно накликасть. На миг я его и увидела: безупречную маску, отточенную до автоматизма, с которым дышат или моргают. Но под ней, прежде чем он успел вернуть льдину на место, мелькнула усталость — такая древняя, что давно перестала быть чувством и стала частью лица, как шрам, к которому привыкаешь настолько, что замечают его все, кроме хозяина.

— Какую книгу, — не спросил, а скорее констатировал он, будто заранее знал, что ответ ему не понравится, и спросил лишь потому, что этикет требовал хотя бы видимости вопроса.

— Она не назвала, милорд.

Уголок его губ дрогнул. Не улыбка — её призрак, тень того, чем могла бы быть улыбка у человека, который позволяет себе улыбаться.

— Разумеется, не назвала. Леди Веспера не снисходит до подробностей, если слушатель стоит ниже неё. — Он посмотрел на меня внимательнее, и я ощутила этот взгляд почти как прикосновение: будто он пытался прочесть что-то под кожей, сквозь заготовленный страх, сквозь маску служанки, которую я носила так тщательно. Потом выражение его лица чуть изменилось. Раздражение. Или недоумение. Я не поняла, что именно, и это тревожило сильнее, чем если бы поняла.

— Как тебя зовут?

— Эш, милорд.

— Эш, — повторил он медленно, взвешивая имя, как взвешивают монету, подозревая фальшивку. В том, как он его произнёс, было слишком много внимания для имени очередной служанки, которых в таком доме меняют десятками за год. Я почувствовала это каждой мышцей, спрятанной под покорностью.

— Ты боишься меня меньше, чем следовало бы, Эш.

Я знала. Годы тренировок: не выдавать страха, кто бы ни стоял напротив — клыкастый, древний, всемогущий. Но услышать это вслух, от него, было почти оскорблением. Единственная моя броня, единственное, что отделяло меня от разоблачения в первую же неделю, оказалась прозрачной, как стекло, и он смотрел сквозь неё.

— Прошу прощения, милорд. Постараюсь исправиться.

На его лице что-то переменилось — не удивление, но рядом с ним: так смотрит человек, ждавший одного ответа и получивший другой.

— Не стоит, — сказал он тихо, и в этих двух словах было больше правды, чем в любой придворной любезности, какую я услышала здесь за три дня. — Здесь и без того достаточно тех, кто боится меня как положено.

Он отвернулся к стеллажу и провёл пальцами по корешкам — с неспешной точностью человека, который за свою бесконечную жизнь научился ничего не делать впопыхах. Разговор, если это можно было так назвать, закончился так же внезапно, как начался.

Я унесла с собой по тёмным коридорам одно ощущение: он попытался меня прочесть и не смог. И это задело его сильнее, чем сам факт моего присутствия в его библиотеке в неурочный час.

Хорошо, подумала я, выходя без книги, за которой якобы приходила. Вернусь позже, придумаю что-нибудь для леди Веспера. Это нетрудно.

Пусть не читается. Так даже лучше.

Легче будет вонзить нож, когда придёт время. А оно придёт — я не сомневалась в этом, лёжа той ночью без сна в узкой комнате на третьем ярусе и слушая, как дом дышит вокруг чужим, нечеловеческим ритмом.

Я пришла сюда не бояться.

Я пришла, чтобы дом Вирейн узнал, каково это — потерять то, что любишь. Так же, как когда-то они забрали это у меня.

Глава 2. Каэл

Я не сплю уже пять лет — с той ночи, когда меня признали наследником дома Вирейн и я узнал цену этого признания.

Пять лет — немного для существа, которому, вероятно, отмерено ещё пять или шесть столетий, если не найдётся способа прервать их раньше срока, желательно чужими руками. Но бессонница странно обращается со временем. Она вытягивает его в вереницу одинаковых ночей, где меняется только стопка бумаг на столе да количество лжи, которую нужно прочесть между строк, прежде чем подписать что-то, от чего зависят судьбы людей, которых я никогда не увижу.

Сегодняшняя ложь называлась договором о поставках зерна с северными землями. Достаточно скучная, чтобы почти убедить меня, будто я занимаюсь делами дома, а не жду, когда тётя Веспера соизволит явиться и в очередной раз напомнить, что моё положение наследника — формальность, которую она терпит, пока это ей выгодно.

На третьей странице цена за меру зерна была завышена едва ли не вдвое. Я пометил строку карандашом и отложил лист: ещё одно имя в списке, который я веду много лет, сам не зная, для кого и зачем.

Чай в чашке остыл ещё к полуночи. Я не пью его, но каждый вечер велю приносить — чтобы держать в руках что-нибудь тёплое. Перчатки я не снимаю и наедине с собой: привычка, пережившая причину.

За окном кабинета ясеневые кроны покачивались на фоне беззвёздного неба. Семейный герб над каждой дверью, портреты предков, смотревшие со стен с одинаковым холодным достоинством, — дом никогда не казался мне своим так, как должен казаться дом тому, кто в нём родился. Скорее крепость, доставшаяся мне вместе с обязанностью её защищать и без права спросить, хочу ли я этого.

Мать умерла, когда мне было шесть. Из тех лет, когда дом ещё был тёплым, я помню немного: её голос, напевавший на языке, который я давно забыл, и запах лаванды. Отец приказал жечь лаванду по всем галереям, и её жгут до сих пор — будто он надеялся удержать память о ней любой ценой, хоть ценой превращения дома в усыпальницу.

С тех пор ничего не менялось по-настоящему. Только маски тяжелели, а ночи удлинялись.

Она пришла чуть позже полуночи. Разумеется. Всегда позже полуночи: в этот час усталость — человеческая, или то, что от человеческого во мне осталось, — достигает пика, и даже вампир, не нуждающийся во сне, ощущает тяжесть в костях. Веспера не оставляет случайностей.

— Ты снова здесь, — сказала она вместо приветствия, оглядывая кабинет так, будто искала повод для замечания. Она всегда его находила. Платье застёгнуто до горла, ни одной выбившейся пряжи; даже в час, когда её никто не должен видеть, она не позволяет себе небрежности. Прежде чем сесть, она провела пальцем по краю моего стола — привычка проверять, не завелась ли пыль, хотя пыль в этом доме не смеет заводиться без её разрешения. — За документами, которые может просмотреть любой секретарь.

— Секретарь не подписывает от имени дома, тётя.

— Формально — нет. — Она улыбнулась той улыбкой, что неизменно предшествовала чему-то неприятному. — Но, полагаю, ты помнишь, что формальность — единственное, что удерживает тебя на этом месте.

Я помнил. Каждый день, каждую бессонную ночь. Ей, вероятно, показалось бы забавным, если бы она допустила, что за моим молчанием прячется нечто большее покорности.

— Совет северных домов снова поднимает вопрос о твоей... готовности, — продолжила она, усаживаясь напротив с изяществом, отточенным за два столетия придворной жизни. — Говорят, наследник, который не способен обеспечить дому стабильность, — обуза, а не актив.

— Передай Совету северных домов, что я крайне признателен за заботу о моём благополучии.

Уголок её губ дрогнул — призрак улыбки, из тех, что появлялись бы и на моём лице, если бы кто-то видел меня достаточно долго, чтобы различать оттенки моих масок.

— Сарказм не заменит тебе союзников, Каэлан.

— Как и покорность не заменила их моему отцу.

Это было лишним. Я понял сразу: по тому, как на миг застыло её лицо, как в комнате стало на градус холоднее, будто воздух отозвался на запретное слово. Отец. Тема, закрытая строже любого государственного секрета.

— Будь осторожен с тем, что позволяешь себе говорить, — сказала она тихо, поднимаясь. — Даже наследнику не всё прощается бесконечно.

Она ушла так же внезапно, как появилась, оставив запах холодных духов и то чувство, которое я давно научился игнорировать: смесь гнева и застарелого горя, возвращающуюся всякий раз, когда в этом доме вслух произносят имя человека, о смерти которого я до сих пор не знаю всей правды.

* * *

После её ухода кабинет стал невыносим. Я вышел, как выхожу каждую ночь: прошёл по галерее восточного крыла, где факелы догорали на треть, а тени ложились на каменные плиты длинными неподвижными полосами. Слуги, судя по всему, придумали про эти обходы целую мифологию. Я знаю о ней — и не разубеждаю. Пусть боятся того, чего не понимают: так проще всем.

К третьему часу ноги сами привели меня в библиотеку.

Это единственное место в доме, где я могу не держать лицо. Высокие стеллажи и запах старой бумаги создают иллюзию, будто здесь меня никто не видит, хотя это не так. Книги тут собраны пятью поколениями Вирейнов, многие на языках, забытых даже учёными Высшей крови. Я прихожу сюда не столько читать, сколько находиться среди вещей, переживших больше, чем любой обитатель этого дома. Потрёпанный переплёт на верхней полке помнит времена, когда дом ещё не был запятнан кровью, въевшейся теперь в его фундамент. Это утешает — как утешает мысль, что камень вечнее хозяев.

Поэтому появление новой служанки застало меня врасплох сильнее, чем следовало.

Я услышал её раньше, чем она поняла, что я слышу: тихие шаги, чуть более уверенные, чем у прислуги, впервые попавшей в незнакомое крыло посреди ночи. Обычно здесь двигаются иначе. Крадучись, если боятся хозяев. Торопливо, если хотят поскорее закончить поручение. Она не делала ни того ни другого: шла со спокойной методичностью человека, привыкшего запоминать выходы из каждого помещения, куда входит.

Я не обернулся. Мне хотелось проверить, как долго она продержится в тишине, не выдав себя голосом или паникой. Она продержалась дольше, чем я ожидал.

Горло к концу ночи саднило, как всегда: старая рана напоминает о себе перед рассветом. Голос выходил с хрипотцой, которую я давно перестал пытаться скрыть, — слишком много сил на то, что всё равно не исправить.

— Ты либо потерялась, либо решила, что можешь входить сюда без разрешения, — сказал я наконец, не оборачиваясь: так любопытнее слушать, как меняется — или не меняется — её голос.

— Меня послали за книгой, милорд. Для леди Веспера.

Голос ровный. Испуганный ровно настолько, насколько полагается служанке, застигнутой господином в неурочный час, — и именно в этой отмеренности было нечто, зацепившее меня сильнее настоящей паники. Настоящий страх редко звучит так правильно.

Я обернулся.

Новое лицо, одно из десятков, что появляются и исчезают в доме таких размеров. Тёмные волосы, туго заплетённые в косу. Светло-серые глаза смотрели прямо — не дерзко, но и без того рефлекторного желания отвести взгляд, к которому я привык. Руки сложены перед фартуком аккуратно, слишком аккуратно, а ладони были краснее, чем у горничной, разносящей подносы: будто их долго и старательно оттирали.

Я попытался прочитать её так, как читаю остальных: по крови, по едва уловимому оттенку чувства, что висит в воздухе вокруг любого смертного, чьё сердце бьётся достаточно близко. Обычно это не требует усилий — как дыхание.

На этот раз не сработало. Не так, как должно было.

— Какую книгу, — сказал я, хотя думал совсем не о книге.

— Она не назвала, милорд.

Разумеется, не назвала. Вespera не снисходит до подробностей, если слушатель стоит ниже неё, — и, видимо, прислала сюда девушку скорее затем, чтобы напомнить мне о моей собственной незначительности, чем из надобности в книге.

— Разумеется, не назвала, — сказал я вслух, и в голосе, судя по всему, прозвучало сухое веселье: она посмотрела на меня внимательнее, будто пересчитывая варианты ответа.

— Как тебя зовут?

— Эш, милорд.

Эш. Я повторил имя про себя, как пробуют подозрительное вино, прежде чем решить, пить ли дальше. Простое имя, ничем не примечательное. Но то, как она его произнесла — без запинки, без секундного промедления, выдающего человека, ещё не привыкшего к чужому имени, — заставило меня усомниться, что оно настоящее.

Я отбросил эту мысль. Подозрительность давно стала моим постоянным состоянием, и верить каждому её всплеску было бы глупо.

— Ты боишься меня меньше, чем следовало бы, Эш, — сказал я, наблюдая за ней внимательнее, чем позволял себе с кем-либо за последние годы.

— Прошу прощения, милорд. Постараюсь исправиться.

Ответ безупречный: ровно то, что полагалось сказать, и ровно тем тоном. И всё же за безупречностью мелькнуло нечто, слишком быстрое, чтобы я успел его назвать. Не страх. Скорее расчёт.

— Не стоит, — сказал я тише, чем собирался. — Здесь и без того достаточно тех, кто боится меня как положено.

Это была правда, куда более честная, чем я обычно позволяю себе вслух, да ещё перед той, кого вижу впервые в жизни. Я отвернулся к стеллажам, давая понять, что разговор окончен, но какая-то часть меня ещё долго стояла там, где она оставила её, после того как шаги затихли в коридоре.

Эш, подумал я, глядя на корешки, которые видел куда хуже, чем следовало.

Первый человек за долгое время, которого я не смог прочитать с первого взгляда.

Мне следовало насторожиться. Но сильнее насторожило другое: то, что я испытал нечто подозрительно похожее на облегчение. Кто-то в этом доме не смотрел на меня ни как на чудовище, ни как на орудие власти.

Я вернулся к столу, к недочитанному договору о зерне, но строчки расплывались, складываясь вместо цифр в единственный образ: светло-серые глаза, не отводящие взгляд там, где им полагалось бы в страхе опуститься. За пять лет одиночества я успел забыть, каково это —

встретить кого-то, кто смотрит не сквозь титул и не сквозь легенды о чудовище на троне, а так, будто за всем этим может прятаться живой человек.

Это пугало больше любого покушения, которое мог замыслить Совет. Покушение можно предвидеть, просчитать, подготовиться к нему годами осторожности.

А к этому — к первой за много лет искре непрошеного любопытства — я не был готов вовсе.

Глава 3. Мира

К концу второй недели я знала дом Вирейн лучше, чем когда-либо знала собственный.

Не планировку — хотя и её тоже: каждую лестницу, каждый коридор, каждую половицу, которая скрипит. Я знала расстановку сил, невидимую карту власти, осязаемую острее любых стен. Кто кланяется чуть ниже, чем требует этикет. Кто первым отводит глаза в разговоре с Веспера. Кто из младших вампиров старается держаться поближе к Каэлу, а кто обходит его так демонстративно, что сама демонстрация становится посланием.

Отец учил меня читать поле боя задолго до того, как я взяла в руки первый клинок. Двор Вирейнов оказался полем боя не хуже прочих; только здесь кровь проливали медленнее, и рождалась она из слов, взглядов и молчания.

Я запоминала расписание каждого обитателя дома так же дотошно, как прежде запоминала повадки дичи перед охотой: в какой час Веспера принимает советников, когда младшие вампиры уходят на ночные дежурства, кто из прислуги задерживается у определённых дверей дольше, чем требует работа. Два часа внимательного наблюдения стоили порой недели расспросов. Люди забывают, что служанка с корзиной белья видит куда больше, чем им хочется думать.

Самым верным из младших в доме оказался вовсе не младший. Ротгар, сидящий вампир с лицом старого солдата, был единственным, кто при встрече с Каэлом выпрямлялся не по уставу, а по привычке — как человек, когда-то стоявший так перед его отцом. Прислуга шепталась, что он служил ещё прежнему лорду Вирейну и до сих пор верен дому больше, чем кому-либо из его нынешних хозяев.

После библиотеки я видела Каэла лишь дважды: один раз он пересекал двор, не глядя ни на кого, и стража расступалась перед ним, как вода перед ножом; другой — в окне верхней галереи, неподвижным силуэтом на фоне свечей. Оба раза он был один.

Были вещи, к которым я так и не привыкла. По средам в людскую приходил лекарь с корзиной склянок и осматривал нас по очереди: шеи, запястья, сгибы локтей. Вслух считалось, что это забота о здоровье прислуги. Агата называла это иначе, но только когда рядом никого не было.

По утрам, прежде чем начать обход, я заходила на кухню — якобы за хлебом для челяди, а на деле послушать, о чём судачат те, кто проводит там большую часть жизни. Кухня пахла дрожжами, жжёным сахаром и чем-то железным, чего я старалась не разбирать.

— Опять эта северная делегация валится как снег на голову, — ворчала Агата, старшая кухарка, раскатывая тесто с силой, выдававшей привычку вымещать раздражение на выпечке, а не на людях. — Велено готовить пир на тридцать персон, да ещё за считанные дни, а похорошему о таком извещают за месяцы.

— Леди Веспера не любит неожиданностей, — заметила одна из судомоек, не поднимая головы от лохани.

— Леди Веспера сама обожает преподносить сюрпризы всем остальным, — фыркнула Агата и тут же покосилась на дверь, будто испугавшись собственной смелости. — Не повторяй мои слова никому, девочка.

— Могила, — пообещала я с лёгкой улыбкой и запомнила всё: суету в доме перед визитом северных домов, напряжение, чрезмерное для обычного дипломатического приёма, и слово «внезапно», оброненное дважды за минуту. Ворчание уставшей кухарки так не звучит.

Веспера и Дариан встречались у малой гостиной почти каждое утро, в один и тот же час, и говорили той скороговоркой вполголоса, какой обмениваются люди, привыкшие обсуждать то, что не предназначено для чужих ушей. Закономерность я заметила на пятый день службы

и с тех пор подгадывала обход так, чтобы оказываться поблизости: не настолько близко, чтобы вызвать подозрение, но достаточно, чтобы ловить интонации, если не слова.

Дариан был светловолосый, лёгкий в движениях, с улыбкой, которую так и хотелось поймать на лжи. Рядом с мрачной сдержанностью Каэла он выглядел солнечным пятном на камне, и, кажется, прекрасно знал об этом.

— Ты слишком внимательно слушаешь, Эш, — сказала Тень, вторая горничная восточного крыла, однажды утром, когда я задержалась в коридоре дольше положенного, наблюдая, как Веспера что-то тихо и быстро выговаривает Дариану у дверей малой гостиной.

Я вздрогнула — не от испуга, скорее от досады на себя за то, что позволила себя заметить.

— Просто устала, — соврала я и подняла корзину с бельём чуть выше, будто она могла служить оправданием моему присутствию.

Тень посмотрела на меня внимательнее, чем мне хотелось бы. Кожа у неё была бледная, как бумага, а ладонь, подхватившая край корзины, холодная. Она была обращённой — я поняла это в первый же день: остальная прислуга держалась с ней настороженнее, чем друг с другом, хотя числилась она среди слуг, а не среди знати. Обращённые здесь занимали странное положение — не люди, но и не равные той касте, чья кровь текла в их венах теперь.

— Устала, значит, — повторила она тоном, который яснее слов говорил, что она мне не поверила. — Хорошо. Раз ты такая усталая, помоги мне отнести бельё в западное крыло. По дороге расскажешь, что именно ты успела устать разглядывать.

Я пошла. Не потому что доверяла, а потому что отказ выглядел бы подозрительнее согласия.

— Леди Веспера в последнее время часто говорит с господином Дарианом наедине, — сказала я как бы между делом, пока мы шли по галерее. — Это обычное дело?

Тень фыркнула — тихо, невесело.

— Обычное некуда. Дариан — единственный, кому она доверяет достаточно, чтобы говорить откровенно. Она растила его с малых лет почти как родного сына, хотя формально он всего лишь кузен молодого лорда. — Она понизила голос, хотя вокруг не было никого, кроме нас. — Некоторые говорят, что доверяет она ему больше, чем собственному племяннику.

Это было интересно. Каждая деталь расстановки сил приближала меня к ответу на главный вопрос: кто отдал приказ о казни отца — Веспера лично или кто-то из её круга, действовавший от её имени, пока наследник ещё не имел веса?

— А молодой лорд? — спросила я осторожно. — Как он относится к тому, что тётя доверяет кузену больше, чем ему?

Тень остановилась и взглянула на меня по-новому, пристально.

— Ты задаёшь много вопросов для служанки, которая здесь всего две недели.

Внутри на мгновение похолодело — не от страха разоблачения, а от досады на собственную неосторожность. Три месяца подготовки — и я чуть не выдала себя банальным любопытством, которое следовало держать на более коротком поводке.

— Просто пытаюсь понять правила дома, — сказала я с ровно той беззаботностью, какая требовалась. — Не хочу оказаться между кем-то из них в неподходящий момент.

Секунду Тень взвешивала мои слова. Потом её лицо смягчилось — едва заметно, но достаточно, чтобы я поняла: объяснение приняли, хотя, возможно, не до конца.

— Разумная позиция, — сказала она наконец. — Молодой лорд неплохой, как для Высшей крови. Не жестокий без нужды, не как некоторые. Но у него нет реальной власти, пока Веспера остаётся регентшей. И, между нами, — она снова понизила голос, — иногда мне кажется, что кое-кому в этом доме было бы удобнее, если бы он её так и не получил.

Слова повисли между нами, слишком весомые для коридорного разговора, слишком опасные, чтобы Тень произнесла их без причины.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я с вежливым любопытством, за которым пряталась настоящая острота интереса.

Она покачала головой, будто уже жалела о сказанном.

— Ничего. Забудь, что я это говорила. — Она сунула мне в руки часть белья резче, чем требовалось. — Просто держись подальше от всего, что происходит между Веспера и Дариа-ном. Что бы это ни было, оно не для таких, как мы с тобой.

* * *

Той же ночью, лёжа без сна в узкой комнате на третьем ярусе, я перебирала каждое слово Тени, ища в них скрытый узор, как ищут его в шифре. Простыни пахли лавандой и чужим мылом. Отцовский нож давил на бедро сквозь шов пояса, который я не снимала даже ночью.

Кое-кому в этом доме было бы удобнее, если бы он её так и не получил.

Власть. Регентство. Если Веспера не собиралась добровольно отдавать бразды, когда придёт срок утверждения Каэла полноправным главой дома, расклад менялся сильнее, чем я предполагала, приступая к операции.

Я приехала сюда с одной целью: узнать правду о казни отца и заставить дом Вирейн заплатить за неё. Я не рассчитывала оказаться в центре внутренней борьбы за власть, где мой предполагаемый враг — наследник дома, убившего моего отца, — мог оказаться не архитектором этой смерти, а такой же пешкой в чужой игре, какой когда-то оказалась я сама.

Эта мысль тревожила больше, чем хотелось признавать.

Легче ненавидеть, когда враг прост. Когда у чудовища одно лицо, а не десяток масок, за каждой из которых прячется что-то более запутанное, чем жестокость.

Я закрыла глаза и заставила себя дышать медленнее, ровнее — так, как учил отец, задолго до того, как мне пришлось применять это не на тренировочной поляне, а посреди вражеского дома, пытаясь уснуть с мыслью, что человек, которого я поклялась уничтожить, возможно, был жертвой этого дома не меньше меня.

Это не имело значения, сказала я себе. Не должно было иметь значения.

Сон не шёл.

Я думала о Тени: о том, как быстро она осеклась, едва разговор зашёл слишком далеко, о страхе, мелькнувшем в её глазах прежде, чем она спрятала его за невозмутимостью. Обращённая, зажата между двумя мирами, не до конца своя ни в одном, — она явно знала о трещинах этого дома больше, чем готова была показать первой встречной служанке. Вопрос в том, сколько времени мне понадобится, чтобы заслужить её доверие, и хватит ли мне этого времени: каждый лишний день здесь увеличивал риск разоблачения.

Подготовка дала мне легенду, бумаги, выверенную историю прошлого. Она не ответила на вопрос, что делать, если правда, которую я приехала искать, окажется сложнее простой истории о доме-убийце и беззащитной жертве.

Перед тем как сон всё же сморил меня, я вспомнила Агату и её северную делегацию. Если суэта на кухне была лишь частью того же давления, что Совет северных домов оказывал на Каэла в последние недели, то петля вокруг дома затягивалась быстрее, чем я рассчитывала. Не каждая примета вела к отдельной тайне. Но отец говорил: сломанную ветку на тропе замечает тот, кто идёт внимательно, а не тот, кто торопится.

Глава 4. Каэл

Совет северных домов собрался на исходе третьей недели — раньше, чем предполагалось, и это само по себе было первым тревожным знаком.

Зал заседаний в южном крыле открывали редко, не чаще двух раз в год. Под его высокими сводами, увешанными гербами союзных домов, стоял стол из чёрного дуба длиной в двенадцать шагов, и каждый раз, садясь во главе, я ощущал ту же смесь скуки и настороженности, какую, должно быть, испытывал мой дед, вынужденный часами выслушивать витиеватые формулировки, за которыми прятались вполне приземлённые вопросы власти и денег. Голоса в этом зале звучали глухо, словно камень впитывал половину сказанного. Сегодня скуки не предвиделось.

Обычно такие собрания назначали за месяцы, соблюдая все формальности, которые Высшая кровь так любит превращать в ритуал ради самого ритуала. Внезапный созыв означал одно из двух: либо появилась угроза, достаточно серьёзная, чтобы нарушить многовековой протокол, либо кто-то нарочно устроил всё так, чтобы застать определённых участников врасплох.

Я не питал иллюзий насчёт того, кто этот «кто-то».

У дальней стены, не вмешиваясь, стоял капитан Ваарн — недавно назначенный Веспера начальник стражи, хмурый, со шрамом через левую бровь. Он смотрел на меня так, будто прикидывал, сколько я стою.

Двенадцать лордов сидели по обе стороны стола, и ни один не смотрел на меня дольше, чем позволяла вежливость. Я знал их расклад наизусть: четверо поддерживали Веспера по расчёту, трое — из страха, пятеро колебались. Самым осторожным из колеблющихся был лорд Ашфорд, глава одного из северных родов, тонкогубый, с серебряной нитью в тёмных волосах и взглядом человека, привыкшего считать чужие ходы. Он заговорил первым, тем тоном, каким используют формальную вежливость, когда хотят, чтобы она прозвучала как приговор.

— Совет обеспокоен стабильностью дома Вирейн. Регентство длится дольше обычного срока. Возникают закономерные вопросы.

Я сидел во главе стола — формально: позиция наследника обязывала присутствовать, но обращались здесь не ко мне, а к Веспера по правую руку, с её спокойным терпением, которое она носила на публике так же безупречно, как фамильные драгоценности.

— Регентство продлится ровно столько, сколько потребуется, чтобы наследник продемонстрировал готовность, — ответила она за меня прежде, чем я открыл рот. — Совету не о чем беспокоиться.

— Позвольте уточнить, — подал голос грузный лорд Хельмар, чьи земли поставляли дому зерно. — Мы получаем за поставки заметно меньше, чем значится в ваших ведомостях. Если регентство так печётся о стабильности, быть может, кто-нибудь объяснит, куда уходит разница?

Веспера не повернула головы. «Бухгалтерские неточности будут проверены, лорд Хельмар», — сказала она тем тоном, каким запечатывают конверты. Хельмар понял и замолчал. А я мысленно вернулся к строке, помеченной карандашом на третьей странице договора о зерне.

— Совету есть о чём беспокоиться, — вмешался я ровно, без раздражения, копившегося с каждым её словом: будто мой стул за этим столом — декорация. — Я готов обсудить условия передачи полной власти в любой момент, когда Совет сочтёт нужным их рассмотреть.

По залу пробежал лёгкий шум — не одобрение, но и не отторжение. Рядом на долю секунды напряглась Веспера и тут же вернула лицу прежнее спокойствие.

Позже, когда заседание закончилось и зал опустел, она задержалась рядом.

— Похвальное рвение, племянник. Но рвение без поддержки нужных союзников редко приводит к власти. Скорее — к преждевременной могиле.

— Это угроза, тётя?

— Наблюдение. — Её улыбка делала любые слова одновременно невинными и невыносимыми. — Ты слишком долго провёл в тени, Каэлан. Пора бы запомнить, как здесь на самом деле распределяется сила.

Она ушла, не дожидаясь ответа. После неё осталось ощущение, которое в последнее время приходило всё чаще: будто вокруг меня медленно затягивается петля из вежливых улыбок и многовековых протоколов, а я до сих пор не знаю, чья рука тянет за конец.

У дверей зала, как всегда, стоял Ротгар. Пока Совет слушал Веспера, он не встречался со мной взглядом, но когда лорды разошлись, кивнул — один раз, едва заметно. Это значило: «Я слышал». Это значило, что хотя бы один человек в этом зале по-прежнему на моей стороне.

Я задержался в зале, разглядывая гербы на стенах — вязь из ясеневых листьев и капель крови. Мой прапрадед выбрал этот знак, по преданию, в насмешку над врагами; теперь он с тем же успехом описывал и внутреннее устройство самого дома. Кровь и ясень. Жестокость под красивым узором.

Отец рассказывал мне ещё в детстве, что первый Вирейн выбрал ясень не из любви к дереву: из ясеня делали копья, способные пробить шкуру любого зверя, человеческого или нет. «Красота — это то, что мы придумываем задним числом, чтобы оправдать выбранное оружие», — сказал он тогда, а я, пятилетний, не понял ни слова. Теперь, под теми же гербами, понимал слишком хорошо.

Если дом построен на оружии, замаскированном под символ, что это говорит о тех, кто унаследовал право им владеть?

* * *

Дариан нашёл меня тем же вечером в галерее, куда я вышел отдышаться от духоты интриг — хотя ночной воздух вампиру облегчения не приносит.

— У тебя вид человека, готового бросить вызов половине Совета, — заметил он с лёгкой, обезоруживающей улыбкой: единственной в этом доме, которую я переносил без внутреннего напряжения.

— Возможно, стоило бы.

— Возможно. — Он облокотился о балюстраду рядом, глядя туда же, куда смотрел я: на тёмные силуэты ясеней за пределами резиденции. — Но опрометчивые вызовы редко кончаются хорошо для того, кто их бросает, кузен. Ты знаешь это лучше многих.

Я знал. Цену опрометчивости в этом доме платят не абстракциями, а жизнями, и одна такая смерть лежала на моей совести тяжелее, чем кто-либо здесь мог заподозрить.

В детстве мы воровали с кухни медовые коврижки. Ловили всегда меня, и всегда Дариан выходил вперёд и брал вину на себя — с той же улыбкой, что и сейчас. Я так и не спросил его, почему.

— Что слышно от Совета помимо официальных заявлений? — спросил я, меняя тему: мысли о прошлом ведут только к бессмысленному самобичеванию.

Дариан замялся. Едва заметно, на долю мгновения; я бы не уловил, если бы годы при дворе не приучили меня улавливать такие паузы так же остро, как запах крови.

— Ничего конкретного. Обычные разговоры о стабильности. Не бери в голову, Каэл. Тётя разберётся с Советом, как разбиралась всегда.

Ответ не давал мне покоя и после того, как он ушёл, сославшись на поздний час. Не слова — тон. Слишком гладкий. Слишком отрепетированный для человека, которого я привык считать единственным близким мне существом в этом доме.

Я списал это на паранойю, давно ставшую моим постоянным спутником. Как выяснится позже, стоило довериться инстинкту.

* * *

Новую служанку, Эш, за прошедшую неделю я видел ещё дважды. Один раз мельком, в коридоре восточного крыла, где она несла бельё с той же собранной методичностью, что и в библиотеке. Второй раз — дольше, хотя обстоятельства не располагали к разговору: она оказалась поблизости, когда я, засидевшись в кабинете, задел подсвечник, и пламя лизнуло край документов.

Она среагировала быстрее любой привычной прислуги. Без вскриков, без паники: перехватила подсвечник голыми руками и погасила огонь рукавом так спокойно, будто проделывала подобное не впервые.

— Быстрая реакция для служанки, — заметил я, пока она осматривала обожжённый рукав с деловитостью человека, оценивающего испорченную посуду. Ладони у неё покраснели от ожога, и под покраснением проступали старые мозоли — не те, что бывают у прачек.

— Работала в трактире, милорд, — ответила она, не поднимая взгляда. — Приходилось привыкать к огню.

— Лекаря бы к этому ожогу.

— Пройдёт, милорд, — ответила она слишком быстро. Люди, которым предлагают лекаря, обычно колеблются; она отказалась так, будто боялась осмотра.

Гладко. Слишком гладко: так звучит заготовленная заранее версия, а не спонтанная правда. Но давить я не стал. Отчасти потому, что мне нравилось, как она смотрит на меня без привычного ужаса. Отчасти потому, что мне хотелось верить: не все в этом доме плетут интриги за моей спиной.

Я ошибался — насчёт очень многого. Но в ту ночь, глядя ей вслед, я позволил себе короткую и совершенно неоправданную надежду.

Вернувшись в кабинет, я долго сидел над бумагами, не в силах сосредоточиться ни на одной строчке. Мысли возвращались то к странной паузе в голосе Дариана, то к тому, как спокойно новая служанка встретила открытый огонь, — два разных человека, и оба в тот день оказались не теми, кем хотели выглядеть.

Потом я погасил свечу и лёг, как делаю это каждую ночь, не рассчитывая на сон. Пять лет бессонницы приучили меня лежать и считать: потолочные балки, шаги стражи, этажи тревоги. Сегодня счёт сбивался.

Холодная расчётливость Веспера за дверями Совета. Необъяснимая натянутость в голосе Дариана, обычно беспечном. Спокойствие служанки перед огнём, которому не было места в биографии трактирной прислуги.

Три нити, думал я, глядя в темноту. Возможно, они не связаны, и я просто придумываю заговоры там, где есть лишь усталость придворной жизни, помноженная на паранойю.

А возможно, я ещё не видел и половины узора.

Эта мысль осталась со мной в ту ночь, как незванный гость, который не уходит, сколько его ни выставляй.

Глава 5. Мира

Я не планировала оказаться у кабинета Веспера в тот час. По крайней мере, не планировала, чтобы меня там застали.

Три дня я готовилась к этой вылазке так, как отец учил готовиться к охоте на крупную дичь: изучала смену караулов, запоминала скрип половиц, высчитывала минуты, когда коридоры восточного крыла пустеют надолго. Риск был велик, но и ставка стоила риска. Всё, что могло лежать в личном кабинете регентши — записи о казнях, судебные протоколы, — подтвердило бы или опровергло мои подозрения насчёт истинного виновника смерти отца.

Перед выходом я трижды проверила содержимое фартука: нож, отмычка, тонкая полоска воска для снятия оттиска замка, если придётся вернуться позже с другим инструментом. Оттиски меня учил снимать Гален, на кухонном столе, при свече, ворча, что воровкой из меня не выйдет, а вот дочерью охотника — вполне. Отец говорил: никогда не выходи на дело без запасного плана, даже если первый кажется безупречным. «Особенно если кажется безупречным, — говорил он, затягивая ремень на моём поясе перед первой самостоятельной охотой. — Именно тогда расслабляешься и совершаешь ошибку».

Расписание регентши я выучила за три недели наблюдения: собрания с советниками до полуночи, затем она удалялась в личные покои — они примыкали к кабинету через узкую общую стену — и, если верить уборщицам этого крыла, до утра в кабинет не возвращалась. Этот час, когда кабинет стоял пустым, а хозяйка уже ушла за соседнюю дверь, я и выбрала, чтобы проверить, насколько небрежен замок на боковой двери, как показалось мне при беглом осмотре три дня назад.

Коридор в такой час пах остывшим воском. Каменные плиты тянули тепло сквозь подошвы, где-то далеко капала вода, и каждая капля звучала громче, чем имела право. Дверь кабинета была из тёмного дуба, окованная чёрным железом, и под ней не пробивалось ни щели света: по ту сторону могло не быть никого, а могло быть кто угодно.

Замок оказался не небрежным. Он оказался ловушкой — тонкой нитью, натянутой на уровне щиколотки и соединённой с колокольчиком, о существовании которого я, к своему злейшему разочарованию, узнала лишь после того, как зацепила нить носком ботинка. Звонил он, как я сообразила слишком поздно, не в кабинете, а в спальне за стеной.

Звон был тихим. Достаточно тихим, чтобы не разбудить весь дом, но достаточно громким, чтобы я отпрянула в тень колонны и замерла, прислушиваясь, не распахнётся ли дверь покоев Веспера. А затем в коридоре раздались шаги — не её, и это было хоть каким-то облегчением, — размеренные, с едва уловимой тяжестью, которая отличает поступь вампира от человеческой.

— Странное время для прогулок, Эш.

Я не вздрогнула — годы тренировок не подвели и сейчас, — но сердце пропустило удар прежде, чем я взяла себя в руки. Каэл стоял в конце коридора, освещённый единственной свечой в настенном канделябре, руки за спиной, в чёрных перчатках. Лицо ничего не выдавало: непонятно, видел он только мою тень у двери тётки или больше.

— Не могла уснуть, милорд, — сказала я, отступая от колонны с небрежностью, которая, надеюсь, выглядела убедительнее, чем ощущалась изнутри. — Решила пройтись.

— В крыле, где расположен личный кабинет регентши.

— Я плохо знаю расположение дома, милорд. Легко заблудиться.

Он подошёл ближе — не настолько, чтобы это выглядело угрозой, но достаточно, чтобы я поняла: он выбирает каждое слово, как выбирают оружие перед боем.

— Ты производишь впечатление человека, который не теряет, — сказал он тихо. — Ни в коридорах, ни где-либо ещё.

— Не знаю, что заставляет вас так думать, милорд.

— Интуиция. — Уголок его губ дрогнул: не улыбка, но близко к ней, острое и настороженное одновременно. — Она редко меня подводит.

Мы стояли друг напротив друга дольше, чем позволяли приличия между господином и служанкой. В затянувшейся паузе было нечто, что я категорически отказывалась называть напряжением, хотя именно так оно, вероятно, и называлось: тишина двух людей, каждый из которых пытается прочесть другого быстрее, чем прочитают его самого.

— Если интуиция подсказывает вам что-то конкретное, милорд, — сказала я наконец, стараясь говорить ровно, — быть может, стоит сказать это прямо, а не ходить кругами посреди ночного коридора.

В его взгляде мелькнуло почти удивление: дерзость ответа оказалась неожиданной — приятной ровно настолько же, насколько и настораживающей.

— Прямо, значит, — повторил он. — Хорошо. Ты появилась в этом доме три недели назад, ниоткуда, с безупречными рекомендациями, которые я, признаться, до сих пор не удосужился проверить лично — и, возможно, зря. Ты держишься не так, как держится прислуга, всю жизнь привыкшая к подчинению. Ты оказываешься в местах, где служанке быть не полагается, слишком часто, чтобы списывать это на простое заблуждение. И теперь ты стоишь у двери кабинета моей тётки в третьем часу ночи с лицом человека, которого застали за чем-то куда более серьёзным, чем прогулка. Достаточно прямо?

Каждое слово било точнее, чем мне хотелось бы признавать. Тщательно выстроенная легенда, месяцы подготовки — а он видел сквозь неё яснее, чем кто-либо в этом доме, будто моя маска для него была не толще стекла.

— Вы делаете далеко идущие выводы из простой бессонницы, милорд, — сказала я, вложив в голос ровно столько холодной сдержанности, сколько нужно, чтобы не выдать, насколько близко к истине он подобрался.

— Возможно. — Он не отвёл взгляда. — А возможно, я просто устал от того, что в этом доме меня окружают либо те, кто боится меня достаточно, чтобы никогда не сказать правду, либо те, кто плетёт интриги настолько искусно, что я узнаю о них последним. Ты — ни то, ни другое. Это делает тебя либо на удивление честной, либо на удивление опасной.

— Быть может, и то, и другое сразу, — вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык, и я тут же пожалела о сказанном — не потому что это было неправдой, а потому что прозвучало опаснее, чем следовало позволять себе перед человеком, которого я приехала уничтожить.

Он смотрел на меня долго, изучающе. И на этот раз в его лице появилось выражение, которого я не ждала: не подозрение, не раздражение, а мрачное, невесёлое веселье, будто мой ответ понравился ему больше, чем следовало.

— Честность и опасность редко уживаются в одном человеке настолько органично, Эш, — сказал он тихо. — Обычно это заканчивается плохо для всех участников.

— Тогда, полагаю, милорд, вам стоит держаться от меня подальше.

— Возможно, стоит, — согласился он, и в голосе мне послышалось сожаление. — Но, боюсь, любопытство всегда было моей самой скверной чертой.

Он развернулся, чтобы уйти, — и у поворота коридора, не оборачиваясь, произнёс так тихо, что я едва расслышала:

— Держись подальше от кабинета тётки, Эш. Не ради меня. Ради себя самой. Она не так снисходительна к любопытству, как я.

Шаги затихли в темноте. Я осталась одна в коридоре, с колотящимся сердцем и липким ощущением, что либо избежала разоблачения по чистой случайности, либо — что тревожило сильнее — он позволил мне избежать его нарочно.

Нить всё ещё лежала у порога. Я заметила это только сейчас: Каэл, уходя, перешагнул её, не глядя под ноги. Так обходят то, что знают наизусть.

* * *

Остаток ночи я не спала, прокручивая в голове каждое слово.

Держись подальше. Ради себя самой.

Это не звучало как угроза. Это звучало как забота — а забота от человека, которого я поклялась уничтожить, тревожила куда больше любой угрозы.

Легче ненавидеть чудовище. Труднее — ненавидеть того, кто, вопреки всякой логике, кажется таким же пленником этого дома, как и ты сама.

Я запретила себе думать об этом дальше. У меня была цель, ради которой я выстраивала эту жизнь по кирпичику, и я не собиралась позволить нескольким минутам странного разговора в ночном коридоре её поколебать.

Но где-то на самом дне, в той части себя, которую я старательно не замечала — так же, как он, по всей видимости, не замечал свою, — я знала, что поколебала.

Я поднялась с койки и подошла к единственному окну, глядя на тёмные очертания ясеневой рощи. Отец никогда не учил меня, что делать, если враг окажется не таким, каким его описывали донесения. Он учил выслеживать, запоминать, бить без колебаний, когда появится возможность. Он не учил, что делать с голосом, который предупреждает тебя об опасности вместо того, чтобы в неё толкнуть.

Зато Гален однажды, проверяя мою стойку, обронил: «Самый опасный враг — тот, которого начинаешь понимать, девочка». Тогда я приняла это за очередное стариковское ворчание. Сейчас эти слова звучали как диагноз.

Я легла и в темноте комнаты, где единственным звуком было далёкое уханье ночной птицы, заставила себя разложить события вечера по полочкам, как учил отец: факты отдельно, догадки отдельно, эмоции — в сторону, где они не помешают трезвой оценке.

Факт: Каэл заметил меня у двери кабинета Веспера и не поднял тревогу.

Факт: он предупредил меня держаться подальше, вместо того чтобы доложить тётке о подозрительной служанке.

Догадка: либо он действительно считает меня безобидной чудачкой, бродящей по коридорам от скуки, либо видит во мне то, чему сам пока не готов дать имя, — и по какой-то причине предпочитает не выдавать этого никому.

Эмоция, которую я упрямо откладывала в сторону и которая упрямо возвращалась: странное, непрощеное облегчение от того, что он не оказался тем бездушным чудовищем, каким я заставляла себя его представлять.

Кабинет пришлось вычеркнуть из плана, по меньшей мере на время: замок под наблюдением, хозяйка спит в трёх шагах от двери. Оставался другой путь — через слуг, которые знают всё, потому что их никто не считает людьми. Я сказала себе это спокойно, как говорят о решённом, и впервые не поверила собственной уверенности.

Я закрыла глаза и запретила себе додумывать. И всё же знала: эта ночь изменила что-то в расчётах, которые я считала незыблемыми.

Глава 6. Каэл

Я солгал ей. Не словами — молчанием: отпустил её в ту ночь без объяснений, вместо того чтобы дожать подозрение до конца и выяснить, что заставило служанку по имени Эш стоять у двери кабинета моей тётки в третьем часу.

Я говорил себе, что дело в усталости: за последние недели интриг Совета и холодной вежливости Веспера у меня не осталось сил ещё на одно расследование, ещё одну измену, ещё одно разочарование. Отчасти это правда.

Правдой было и другое. Я не хотел находить в ней ничего, что отняло бы у меня странную, почти забытую лёгкость, возникавшую всякий раз, когда она смотрела на меня без страха. Я знал, как это опасно: в доме, где слабость стоит жизни, такая роскошь непозволительна. И всё же не жалел.

Отец счёл бы подобную сентиментальность недопустимой для наследника, у которого враги с каждой стороны. Но отца рядом не было, чтобы читать мне нотации о цене доверия, а чем дольше я думал, тем яснее видел: быть может, именно неумение вовремя распознать настоящую опасность стоило ему жизни. Повторять его ошибку я не хотел. Но и превращаться в человека, неспособного довериться никому и ничему, не хотел тоже.

* * *

Через два дня подтвердилось то, что я упорно не желал слышать от собственного инстинкта.

Ротгар явился на рассвете — час, крайне неудобный для всех обитателей дома, что само по себе говорило о срочности. Седеющий у висков вампир с лицом старого солдата, один из немногих, кого я мог назвать верным лично мне, а не должности наследника: он служил дому ещё при моём отце и сопровождал его в последних поездках.

— Милорд, — сказал он, склонившись ниже, чем требовал этикет, — простите за неурочный час. Но то, что я обнаружил, не терпело отлагательств.

— Говори.

— Стража северных ворот сменилась три дня назад — без вашего распоряжения и без формального уведомления Совета. Новые посты подчиняются напрямую капитану, назначенному леди Веспера в обход обычного протокола.

— Капитан Ваарн, — сказал я.

— Он самый, милорд.

Внутри всё похолодело — не от страха, а от того отрезвляющего осознания, что приходит, когда подозрение наконец находит подтверждение.

— Продолжай.

— Это ещё не всё, милорд. — Ротгар понизил голос, хотя в коридоре в этот час не было никого, кроме нас. — Я слышал разговор между капитаном новой стражи и одним из людей господина Дариана. Речь шла о доступе к вашим покоям в определённые часы. Они называли это... подготовкой к церемонии.

Церемонии. Слово повисло между нами тяжелее любого прямого обвинения. В доме Вирейн существовала лишь одна церемония, для которой потребовалась бы подобная подготовка: ритуал официальной передачи полной власти, который по всем правилам должен был состояться через два года, не раньше.

Если только кто-то не собирался ускорить события. Или — что тревожило сильнее — предотвратить их вовсе, устранив причину, по которой церемония вообще понадобилась бы.

— Ты уверен в том, что слышал?

— Уверен, милорд. Настолько, что счёл долгом сообщить немедленно, вопреки часу.

Я отпустил его с благодарностью и приказом хранить молчание и долго стоял у окна кабинета. Отсюда были видны северные ворота: часовые в чёрных нагрудниках с серебряным ясенем на груди стояли идеально ровно — слишком идеально для людей, которых никто не проверял. Серая полоса рассвета ложилась на кроны, и я пытался сложить воедино всё, что накопилось за последние недели.

Внезапный созыв Совета. Слова Веспера о рвении, которое ведёт к преждевременной могиле. Слишком гладкая уклончивость Дариана в разговоре о настроениях Совета. И теперь — смена стражи в обход протокола, шёпот о «церемонии», о которой мне никто не доложил.

Каждая нить по отдельности сошла бы за случайность. Вместе они складывались в узор, который я не желал видеть, но больше не мог игнорировать.

Я вспомнил отца в те редкие минуты, когда он говорил со мной не как с будущим наследником, а просто как с сыном: власть в этом доме никогда не передаётся добровольно, каждое поколение Вирейнов училось защищать трон не только от внешних врагов, но и от собственной крови. Тогда это казалось мне отвлечённой мудростью, передаваемой по традиции. Теперь слова обрели пугающе конкретный смысл.

* * *

Дариана я нашёл ближе к полудню — час, в который он редко бодрствовал по доброй воле. Комната пахла дорогим табаком и вчерашним вином; на столе стоял недопитый бокал, на подушке лежала раскрытая книга стихов, а окно он, как всегда, оставил распахнутым, будто ночной воздух был ему приятнее сна.

— Каэл. — Он сел на постели, потирая переносицу с видом человека, искренне удивлённого визитом. — Что-то случилось?

— Скажи мне честно, — произнёс я, не тратя времени на предисловия, — что тебе известно о смене стражи северных ворот.

На мгновение — короткое, почти неуловимое, но достаточное для того, кто знал его всю жизнь, — в его лице промелькнуло то, чего я предпочёл бы никогда не видеть. Не удивление. Расчёт.

Он потянулся к бокалу, и пальцы на мгновение замерли над ним — как у человека, которому нужно вспомнить, какую руку куда класть.

— Административная формальность, — сказал он затем, и голос прозвучал ровно, слишком ровно для человека, застигнутого врасплох. — Тётя распорядилась усилить охрану в связи с недавним беспокойством Совета. Ты же знаешь, как она относится к вопросам безопасности дома.

— И ты решил, что мне об этом знать не обязательно.

— Не думал, что это настолько важно, чтобы отрывать тебя от более насущных дел.

Ложь. Доказать я не мог: у меня не было ни документов, ни прямых свидетельств, лишь слово верного вампира против слова человека, которого я много лет считал единственным настоящим другом в этом доме. Но чутьё, которое придворная жизнь вырастила во мне ещё в колыбели, не сомневалось.

— Впредь, — сказал я тихо, — я был бы признателен, если бы решения подобной важности не принимались за моей спиной, кузен.

В его взгляде вспыхнуло раздражение, тут же спрятанное за привычной обезоруживающей улыбкой.

— Разумеется, Каэл. Прости за оплошность.

Я ушёл, не поверив ни единому слову.

Вместо того чтобы вернуться к бумагам, я спустился к северным воротам. Пешком, без свиты: наследник, которому вздумалось проверить караул, — не повод для тревоги, а скорее для шёпота, и этого шёпота я не боялся.

Ваарн встретил меня у караулки, вытянувшись так, как вытягиваются перед начальством, а не перед господином. Шрам на брови побелел на холодном ветру.

— Милорд.

— Я не помню распоряжения о смене караула, капитан.

— По приказу регентши, милорд. Усиление мер безопасности.

Он поклонился на полдюйма ниже, чем требовалось. Не из почтительности: так закрывают дверь, не хлопая ею. Я оглядел его людей. Ни одного знакомого лица. Ни одной седой головы из тех, что служили отцу и знали, какой стороной держать меч, когда рядом кто-то из рода Вирейн.

— Вы давно на службе дома, капитан?

— Достаточно, чтобы знать, кому служить, милорд.

Ответ был безупречен, и именно поэтому я запомнил его слово в слово.

* * *

Остаток дня я просидел над списком. Не письменным: такие списки опасно оставлять на бумаге. Мысленным — кому в этом доме я могу доверять больше, чем себе самому.

Ротгар — безусловно, хотя и его преданность, рождённая службой моему отцу, однажды могла столкнуться с выбором, который встаёт перед многими в этом доме: честь или выживание. Ашфорд — возможно: его мотивы оставались для меня загадкой, завуалированной осторожностью, какая свойственна главам северных родов. Больше в списке не было никого. Ни Дариана, в чьей искренности я только что усомнился впервые за двадцать лет. Ни тем более Веспера, чьи намерения я подозревал с первого дня её регентства и лишь не имел оснований облечь подозрение в слова.

Список получился удручающе коротким для наследника дома, насчитывающего не одну сотню подданных.

Той ночью, лёжа без сна, я поймал себя на том, что думаю не о Веспера, не о Дариане и не о нависшей угрозе. Я думал о служанке по имени Эш: о глазах, не выдававших страха, которого требовало моё положение, и об ответах, слишком выверенных для случайности.

Из ящика стола я достал папку, которую экономка принесла на следующий день после появления новой служанки: рекомендательные письма, заверенные северной печатью. Я мог бы отправить запрос. Мог бы поручить Ротгару проверить, существует ли вообще та экономка, чьим почерком они написаны. Я положил папку обратно, так и не развязав тесёмки. «Завтра», — сказал я себе. Это слово уже не раз сходило мне за решение.

Возможно, подумал я с той мрачной иронией, что стала единственным доступным мне развлечением, — единственный человек в этом доме, кому мне хотелось бы довериться, окажется тем, кому доверять следовало в последнюю очередь.

К рассвету я так и не решил, что с этим делать. Подозрение крепло с каждым днём; доверие росло рядом с ним, вопреки логике, стоило мне вспомнить светло-серые глаза, не опускавшиеся там, где им полагалось бы. Ответ, думал я, наверное, не в том, чтобы выбрать одно из двух, а в том, чтобы удерживать оба чувства, не позволяя ни одному взять верх раньше времени.

Опыт подсказывал: такое равновесие редко длится долго. Но в то утро я позволил себе притвориться, что оно возможно.

Глава 7. Мира

Ясеновая роща за резиденцией была единственным местом во всём поместье, куда я приходила не по расчёту, а потому что мне это было нужно.

Отец брал меня в лес каждую весну: учил различать следы, читать ветер, двигаться так, чтобы ни одна ветка не выдала присутствия. Здесь, среди чужих деревьев на чужой земле, всё было иначе, и всё же запах влажной коры и прелой листвы отзывался в груди так похоже на дом, что я не могла отказать себе в этих редких ночных вылазках, невзирая на риск.

Я проходила через боковую калитку, о которой не знал, кажется, никто из стражи: узкий проход в каменной ограде, заросший плющом так плотно, что его принимали за часть стены. Нашла я его на второй неделе службы, обходя периметр с той же методичностью, с какой изучала посты и смену караулов. С тех пор роща стала единственным местом в этом доме, где я не была ни Эш, ни Мирой, а просто существом, которому нужно несколько минут тишины.

Ясени здесь стояли старые, с корой, растрескавшейся, как ладони стариков. У корней самого большого лежал плоский камень, поросший мхом; на нём я и сидела в тот вечер, слушая, как ветер перебирает листья. Сквозь переплетённые кроны на землю падал лунный свет — неровными пятнами, холодный и рассеянный, — а где-то выше, в темноте, ухала сова.

Когда сова вдруг умолкла, я не сразу поняла, почему.

— Не ожидал встретить здесь кого-либо в такой час, — произнёс Каэл.

Я не услышала его: ни хвоста, ни шороха. Отец говорил, что так умеют ходить только волки; вампиры, видимо, тоже.

Он остановился на почтительном расстоянии, что само по себе выглядело странно после нашего последнего разговора в коридоре у кабинета Веспера.

— Взаимно, милорд, — ответила я, поднимаясь с камня. — Хотя, полагаю, это ваша земля, и мне следует извиниться за вторжение.

— Не стоит. — Он подошёл ближе, глядя в темноту между стволами, а не на меня. Это ощущалось как своего рода любезность: возможность хотя бы несколько мгновений не держать лицо под его прямым взглядом. — Роща принадлежит дому, но не мне лично. Здесь никто ничего никому не должен.

Мы стояли рядом в тишине, и она не тяготила, как тяготило большинство разговоров при дворе, где каждое слово приходилось взвешивать трижды. Каэл наклонился, поднял с земли ясеновый лист и стал вертеть его в пальцах в чёрных перчатках, медленно, как человек, которому нужно занять руки чем-то, что не требует лжи. Перчаток он не снимал даже здесь, где некому было смотреть.

— Вы часто сюда приходите? — спросила я наконец, не столько из любопытства, сколько потому, что молчание начинало ощущаться слишком значимым.

— Каждую ночь, — ответил он с прямоотой, редкой для него при дворе. — Это единственное место, где я могу не быть наследником дома Вирейн. Здесь я просто... — Он замолчал, будто сам удивился тому, что едва не сказал вслух.

— Просто кто? — переспросила я тише, чем следовало бы служанке.

Он посмотрел на меня — впервые за этот разговор прямо, и взгляд у него был такой незащищённый, что у меня перехватило дыхание.

— Не знаю, — сказал он честно. — Кажется, я забыл, каково это — быть кем-то, помимо титула. Так давно, что уже не уверен, осталось ли там хоть что-нибудь, кроме обязанностей.

Слова отзывались во мне сильнее, чем я готова была признать. Я знала это чувство: когда единственная цель заменяет собой личность настолько, что перестаёшь понимать, кем являешься за её пределами.

— Я тоже не всегда помню, — сказала я, прежде чем успела остановить себя, — какой была до того, как... — Я осеклась, ужаснувшись собственной несдержанности.

— До чего? — спросил он мягко, без того давления, что звучало в коридоре у кабинета Веспера. С искренним, осторожным любопытством человека, который только что сам признался в чём-то похожем.

— Неважно, милорд, — ответила я, отступая на шаг, будто расстояние могло восстановить дистанцию, которую я едва не разрушила словами. — Это не то, о чём стоит говорить служанке с господином дома.

Он не стал настаивать, но и взгляда не отвёл, и в этом взгляде было понимание, тревожившее больше любых расспросов.

— Ты права, — сказал он наконец. — Прости. Не должен был спрашивать.

Мы снова замолчали, и на этот раз тишина стала хрупкой: будто оба мы балансировали на границе, которую не следовало пересекать, каждый по собственным, невысказанным причинам.

Лунный свет лёг на его лицо неровными пятнами, и на миг привычная придворная бледность исчезла, уступив место чему-то более живому и уязвимому. Я поймала себя на том, что разглядываю его, и заставила отвести взгляд, напомним себе, зачем вообще оказалась в этом доме.

— Ваш голос, — сказала я, нарушая молчание раньше, чем следовало, движимая тем же порывом, что заставил меня заговорить минуту назад. — Простите за прямоту, но он звучит так, будто... — Я не закончила, не находя достаточно деликатных слов.

— Будто был сорван когда-то, — закончил он за меня, и в голосе прозвучало горькое узнавание. — Да. Был.

— Что случилось?

Он долго молчал, глядя в темноту между стволами с тем выражением, которое я уже начинала узнавать: маска, готовая сомкнуться в любой момент, стоит мне сказать лишнее.

— Не сегодня, — сказал он наконец, и в этих словах не было отказа, скорее просьба об отсрочке. — Возможно, однажды. Не сегодня.

Я кивнула, принимая границу, которую он провёл, — тем более что секунду назад сама провела такую же.

— Тогда, полагаю, мы оба храним что-то, о чём предпочитаем не говорить, — сказала я тихо.

— Похоже на то. — Уголок его губ дрогнул, на этот раз действительно похоже на улыбку, хотя и печальную. — Странное чувство, Эш. Не помню, когда в последний раз ощущал нечто похожее на... — Он снова замолчал, будто слово показалось ему слишком опасным, чтобы произносить его вслух.

— На что? — спросила я, хотя часть меня уже подозревала ответ и боялась услышать его подтверждение.

— На родство, — сказал он тихо. — Как бы странно это ни звучало между служанкой и наследником дома.

Слово повисло между нами тяжелее любого признания, какое я слышала за свою жизнь, и на одно мгновение я позволила себе почувствовать то же самое. Потом ледяная, отрезвляющая мысль пробила хрупкую близость насквозь.

Я здесь не для родства. Я здесь, чтобы уничтожить этот дом, и его вместе с ним, если понадобится, каким бы человеческим он ни казался в лунном свете ясеновой рощи.

Но даже повторяя это про себя с обычной твёрдостью, я слышала, как слова теряют часть прежней убедительности. Ещё месяц назад наследник дома Вирейн был в моей голове цельной фигурой: чудовище с титулом, виновное если не прямым действием, то хотя бы молчаливым попустительством. Теперь образ дробился на осколки, не желающие складываться обратно.

Было бы проще, подумала я, окажись он именно таким чудовищем, каким я его представляла. Тогда не пришлось бы выбирать между долгом перед памятью отца и неудобной, пугающей правдой: человек напротив, возможно, страдал от этого дома не меньше, чем я.

— Уже поздно, милорд, — сказала я резче, чем намеревалась, отступая ещё на шаг. — Мне следует вернуться, пока меня не хватились.

В его взгляде что-то погасло — не разочарование, скорее понимание, будто он тоже осознал, куда завёл нас этот разговор, и испугался не меньше моего.

— Разумеется, — сказал он, вновь облачаясь в привычную сдержанность, как в броню. — Доброй ночи, Эш.

Лист так и остался у него в руке. Я заметила это, уже уходя: он держал его осторожно, как держат что-то хрупкое.

Я ушла первой, не оборачиваясь, хотя каждый нерв требовал обратного. Всю дорогу до комнат прислуги я повторяла, что это ничего не значило: усталость и одиночество способны заставить кого угодно искать родство там, где его быть не должно, а мне следует тщательнее контролировать подобные минуты слабости.

Но образ его лица в лунном свете, мимолётного, незащитного, преследовал меня ещё долго после того, как я закрыла глаза.

Я пыталась вспомнить лицо отца — живое, обычное, то, каким оно бывало за столом или на тропе, — но вместо него память упрямо подсовывала другое: застывшее, из ночных кошмаров, которые я за пять лет так и не научилась прогонять. Живые черты ускользали, вытесненные этим чужим, мёртвым образом. Оставался лишь его голос, низкий, ровный, произносящий одну из тех немногих фраз, что он повторял чаще прочих: «Месть редко приносит облегчение, девочка. Она лишь меняет форму боли, которую ты носишь».

Тогда, подростком, я не понимала этих слов до конца. Мне казалось, что боль от его смерти можно унять только одним способом: заставить виновных заплатить той же монетой. Теперь, лёжа без сна в комнате прислуги чужого дома, с сердцем, спутанным сильнее, чем когда-либо, я начинала подозревать, что отец, как и во многом другом, снова оказался прав раньше, чем я была готова это признать.

Глава 8. Каэл

Родство.

Слово вырвалось прежде, чем я успел взвесить последствия, и вот уже два дня я возвращался к нему мысленно, как возвращаются к больному зубу: зная, что будет больно, и не в силах остановиться.

Я не должен был этого говорить. Не должен был позволять себе такой откровенности с человеком, которого знал меньше месяца, чьё прошлое покрывала подозрительная гладкость, слишком хорошо знакомая мне по опыту лжи. И уж тем более с человеком, за спиной которого, возможно, стояли те самые силы, что плели заговор против меня самого.

И всё же я не жалел о сказанном.

Лист из рощи, сухой и ломкий, так и лежал у меня в кармане сюртука. Я не выбросил его. Я не мог объяснить себе, зачем его храню.

За эти два дня я несколько раз ловил себя на том, что ищу повод оказаться поблизости от неё: то под видом проверки работы прислуги, то «случайно» встречая в коридоре в час, когда прекрасно знал её обычный маршрут. Привычка, недостойная наследника, привыкшего прятать любую слабость за безупречной сдержанностью. Но отказаться от неё не удавалось, как я ни убеждал себя за закрытой дверью кабинета.

Я говорил себе, что дело в простом любопытстве: хочется разгадать служанку, которую невозможно прочесть по крови. Но на дне этого объяснения пряталась куда менее удобная правда. Мне просто нравилось быть рядом с ней. Впервые за долгое время рядом с кем-то я не чувствовал себя исключительно наследником, обязанным держать лицо.

* * *

Ротгар явился на третий день после разговора в роще — на этот раз не с рассветными новостями, а с вестью, от которой я забыл обо всех прочих тревогах.

— Милорд, — сказал он, и в его голосе звучала тревога, какую я редко слышал от вампира, прослужившего дому не одно десятилетие. — Мне удалось узнать больше о «церемонии».

— Говори.

— Это не передача власти, милорд. — Он понизил голос, хотя мы были одни в кабинете. — Это ритуал отречения. Принудительного. Писарь канцелярии отлучился на минуту, оставив бумаги на столе, и я успел прочесть, пока он не вернулся. Документ ссылается на статью Кодекса о недееспособности наследника: она позволяет регенту навсегда лишить преемника права на титул, если тот признан... нестабильным. Опасным для дома.

Пол качнулся подо мной, как палуба в шторм.

— На основании чего меня можно признать нестабильным?

— Перечень оснований расплывчат, милорд. «Болезненная замкнутость», «недостаточность воли», «неспособность к управлению». — Ротгар помолчал. — Формулировки подобраны так, что их можно дополнить любым новым обстоятельством. Документ уже подготовлен. Ждёт подписей трёх членов Совета. И, милорд... я слышал, что если ритуал не пройдет мирно, предусмотрен резервный вариант.

Мне не требовалось уточнять, что значит «резервный вариант» на языке, которым Высшая кровь предпочитает не называть вещи своими именами.

Они планировали не просто лишить меня титула.

Они планировали, что я не переживу ритуала, а моя смерть будет списана на несчастный случай, естественный для существа, изнурённого годами бессонницы и придворного напряжения. Идеальное прикрытие: никто не станет расследовать слишком тщательно, ведь все и так знают о моей бессоннице и о тенях под глазами, которые я давно перестал скрывать.

— Когда должна состояться церемония?

— Дата не назначена официально. Но судя по спешке... скоро, милорд. Возможно, в течение недели.

— К кому мне идти? К Ашфорду?

— Ашфорд умён и осторожен, милорд. Он не выступит против регентши, пока не увидит бумагу с её подписью. А такой бумаги вам не достанут: она подпишет лишь тогда, когда всё будет готово, а к тому времени вы уже не сможете ничего оспорить.

Ротгар был прав, и это было хуже всего. Я знал, как работает этот дом: любое слово здесь весит ровно столько, сколько подписей под ним.

Я отпустил его с благодарностью, прозвучавшей куда спокойнее, чем я себя чувствовал, и долго сидел один, пытаюсь осмыслить масштаб услышанного.

Вespera. Возможно, Дариан, хотя какая-то часть меня всё ещё цеплялась за надежду, что кузен, которого я знал всю жизнь, не может быть замешан в подобном напрямую. Может быть, кто-то ещё из Совета, чьи мотивы мне неизвестны.

Я до последнего не подозревал, что собственная семья готовит мне не передачу власти, а смертный приговор, замаскированный под ритуал.

После полудня я спустился в библиотеку и снял с полки Кодекс дома — том в потёртой кожаной обложке, который не открывал лет десять. Статья сорок первая занимала не больше страницы: сухие формулы, ссылки на прецеденты. А на полях, мелким знакомым почерком отца, было приписано: «Применялась дважды за триста лет. Оба раза наследник не пережил ритуала». Чернила выцвели. Отец читал эту статью не из любопытства.

В углу кабинета висело зеркало, которое отец держал скорее по привычке, чем из желания видеть отражение, не меняющееся с годами. Я подошёл к нему и долго смотрел на собственное лицо, пытаюсь найти в нём ответ на вопрос, которого не решался задать вслух. Сколько мне отмерено, если Вespera довела план до такой стадии? Неделя, о которой говорил Ротгар, могла оказаться последней неделей моей неестественно долгой жизни.

Страх, который я должен был бы испытать, не было. Вместо него разливалась холодная, собранная решимость, знакомая мне по редким военным советам, на которые отец позволял мне присутствовать в детстве. Если дом готовил мне смерть, я не собирался подписывать собственный приговор молчаливым бездействием.

Эта мысль подтолкнула меня к тому, что я откладывал годами. Я дождался, пока в коридоре стихнут шаги, подошёл к книжному шкафу у изголовья кровати, нашёл третью полку сверху и нажал на тёмный корешок с золотым тиснением. Шкаф с глухим щелчком подался. За ним открылся узкий ход, пахнувший сыростью и старым камнем, — тот самый, который отец показал мне в пятнадцать лет и о котором, насколько я знал, никто больше не помнил.

Я прошёл по нему десять шагов в темноте, вернулся, закрыл шкаф. Только чтобы убедиться, что он ещё существует.

* * *

Той же ночью я снова пришёл в ясеневую рощу. Не рассчитывая никого застать: скорее искал единственное место, где мог позволить себе не держать лицо перед лицом того, что узнал.

Эш была там. Сидела на том же камне, что и в прошлый раз, глядя на тёмные кроны с задумчивостью, которую я уже ассоциировал исключительно с ней.

— Не ожидала увидеть вас снова так скоро, милорд, — сказала она, поднимаясь.

— Не ожидал сам, — признался я, и в голосе, видимо, прозвучало что-то необычное, потому что она посмотрела на меня внимательнее, чем требовала вежливость.

— Что-то случилось?

Я едва не рассказал ей всё. Стоял в лунном свете с готовыми сорваться словами о ритуале, резервном варианте, предательстве, чьи контуры становились яснее с каждым днём, — и лишь

в последний момент остановил себя, вспомнив то самое подозрение, что не давало мне покоя с первой нашей встречи в библиотеке.

Я не мог доверять ей полностью. Не сейчас, когда ошибка стоила бы не унижения, а жизни.

— Ничего, с чем я не мог бы справиться, — сказал я вместо этого и по едва заметной тени на её лице понял, что она уловила недосказанность.

— Вы можете мне довериться, милорд, — сказала она тихо, и в голосе прозвучало нечто, что почти пробило мою решимость молчать. — Что бы это ни было.

Я поверил в искренность этих слов. И именно поэтому не смог произнести правду вслух. Если она всё-таки была тем, кем я её начинал подозревать, — глазами и ушами кого-то из моих врагов, — то любое слово стало бы оружием против меня самого быстрее, чем я успел бы пожалеть о нём.

— Возможно, однажды, — сказал я, повторяя собственные слова из прошлого разговора, те самые, которыми когда-то отсрочил рассказ о своём голосе, и увидел, как она узнала их: взгляд смягчился, хотя расстояние между нами не исчезло.

— Тогда, полагаю, мы снова оба храним то, о чём предпочитаем не говорить, — сказала она с лёгкой, печальной иронией.

— Похоже на то.

Мы стояли рядом ещё какое-то время. Тишина была утешительной и невыносимо тяжёлой одновременно: каждый со своей тайной, каждый с растущим чувством, что мы начинаем значить друг для друга больше, чем позволяли себе признать вслух.

Я не знал тогда, что дни хрупкой, невысказанной близости уже сочтены и что очень скоро именно она, а не кто-либо из проверенных союзников, окажется единственной, кто встанет между мной и смертью, которую мои собственные родственники готовили так тщательно.

Возвращаясь в резиденцию, я обернулся на ясеневую рощу, тонущую в темноте, и поймал себя на непривычной мысли: будто прощаюсь не с местом, а с последними днями той жизни, какой знал её прежде, — одинокой, предсказуемой, лишённой риска, кроме риска придворных интриг, к которому я давно привык относиться как к погоде.

У главного крыльца меня встретил часовой в чёрном нагруднике. Он отдал честь — чётко, с пустым лицом, — и только пройдя мимо, я понял, что он ни разу не посмотрел мне в глаза. Раньше стража смотрела.

Какая-то часть меня уже знала, хотя разум отказывался признавать: всё, что случится дальше, изменит меня так, как не менялись пять предыдущих лет одиночества.

Глава 9. Мира

Я поняла, что что-то не так, ещё на лестнице.

Восточная лестница в этот час всегда охранялась двумя стражниками — я знала это так же точно, как знала скрип третьей половицы в галерее и число ступеней до третьего яруса. В ту ночь на посту не было никого. Свеча в настенном канделябре догорала, оплывая воском на камень, и никто не сменил её, хотя смена свечей была первой обязанностью стражи.

Я остановилась, положив ладонь на рукоять ножа под фартуком. Он был со мной с первого дня — тонкий, короткий, отцовский, спрятанный так, что даже экономка, обыскивавшая мои вещи в первую неделю, ничего не нашла.

Пусто. Слишком пусто для дома, где даже стены, казалось, наблюдают.

Я говорила себе, что это меня не касается. Что смена постов — забота Каэла, его тётки, его проклятого двора. Что мне нужно вернуться в комнату, лечь, подождать утра и вернуться к работе, ради которой я здесь. Мёртвый или живой, наследник Вирейнов не должен был занимать мои мысли.

Но ноги уже несли меня наверх, к восточному коридору, туда, где находились его покои.

Тишина там была другой. Не сонной, а натянутой, как тетива.

Я услышала звук раньше, чем увидела что-либо, — короткий, глухой удар, за которым последовал звон металла о камень. Потом ещё один. Потом чей-то сдавленный выдох, слишком хриплый, чтобы принадлежать убийце.

Я побежала.

* * *

Дверь в его покои была распахнута. Внутри чадил единственный светильник, опрокинутый на пол, и тени на стене дрались отдельно от людей — огромные, рваные. В его мечущемся свете я увидела то, что запомню до конца жизни.

Каэл стоял у стены, прижавшись к ней спиной, без перчаток — впервые я видела его руки открытыми, — и в одной из них держал тонкий клинок, которым явно владел лучше, чем показывал при дворе. Перед ним лежал один нападавший, неподвижный, в чёрном, с лицом, закрытым тканью. Ещё двое стояли напротив. Клинки в их руках отливали странным, тусклым серебром, и по тому, как Каэл держался — напряжённо, осторожно, будто боялся даже коснуться их взглядом, — я поняла, что эти клинки были не обычными.

Один из нападавших бросился вперёд. Каэл отбил удар, но лезвие всё же скользнуло по его боку — не глубоко, едва заметный порез над рёбрами.

Он вздрогнул, будто его ударили раскалённым железом.

Кровь на рубашке потемнела слишком быстро. Не красная — почти чёрная, с прожилками цвета ржавчины, расползающимися от раны, как трещины по льду. Я знала эти признаки. Отец показывал мне подобный яд на охотничьих лекциях, которые я в детстве слушала вполуха, не догадываясь, что когда-нибудь буду вспоминать каждое слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.